

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ КОРОЛЬ

Михаил Успенский

Дорогой товарищ король

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Дорогой товарищ король / М. Успенский — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-748983-1

В землях неведомого Замирья, где едят икру птицы Шарах и гоняют гавриков, стоит славный город Макухха, столица королевства Листоран. И все было бы хорошо, но вот есть у них традиция споконвечная — в короли брать кого-то из нашего мира. И вот что же будет со славным королевством, когда королём там посадят среднего секретаря обкома некогда могущественнейшей из партий? Настолько среднего, что становится страшно за всё Замирье...

ISBN 978-1-38-748983-1

© Успенский М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Успенский

Дорогой товарищ король

Была даже свинья-космонавт. Она в точности исполнила свое задание, а потом умерла от разрыва сердца, потому что во время осмотра с нее не сняли скафандра и посадили на стул, тогда как свинье положено стоять на четырех ногах.

Фланнери О'Коннор

Глава 1

Потом, когда будет написана и прочитана последняя книга, когда будет произнесено и услышано последнее слово, когда будет рождена и забыта последняя мысль, – вот тогда и разберемся, так ли все было на самом деле. Потому что времени станет вдосталь. Вернее сказать – времени-то не будет, оно все как есть выйдет, зато уж последнее мгновение растянется так, что по сравнению с этим сроком и вечность покажется кратким перекуром.

...Сначала на севере, из-за Толкучих Гор, выглянет краешек светила, называемого Макуххой, подрожит и подергается несколько минут, а потом белый шар, словно получив из-за горизонта хороший пинок, взлетит вверх, издавая звук лопающейся струны, и замрет как раз в зените, где висеть ему до ночи.

Люди в Листоране знают, что Макухху нарочно придумал из вредности злой бог Эдеот, чтобы допечь доброго мироустроителя Могуту. А тот стережет себе небесный купол, усевшись прямо на него в широких серых шароварах, и не скоро до него дойдет, что снизу-то припекает. И тогда разгневается Могуту, подскочит на месте, и Макухха, убоявшись наказания, быстро свалится назад, за Толкучие Горы. Правда, на следующее утро все начнется сызнова, но так уж заведено.

Многие, впрочем, полагают, что Эдеот как раз добрый бог, потому что без светила жизнь была бы совсем никудышная. А Могуту, если он такой хороший, мог бы и потерпеть на благо им же сотворенного народа. Но мало ли кто что полагает. В других странах, например в том же Аронаксе, вовсе не верят ни в Могуту, ни в Эдеота, а все их немалые заслуги приписывают своему демиургу, некоему Топониму, и его боевой супруге Кветанции. Из-за этого листоранцы немало потешаются над жителями Аронакса и складывают про их пантеон скабрзные песни, баллады и целые эпосы. Шельмуемые обижаются, но поделаться ничего не могут – на Листоран, славный кузнецами и оружейниками, не больно-то кинешься.

Лето в Листоране, как и во всем Замирье, длится только семь недель, да его и летом не назовешь – все время одна погода. Но в эти семь недель Замирье проходит через радуго – Красная неделя, Оранжевая, Желтая и так далее, где сидит фазан. Люди в эти семь недель своего не упускают, хотя дни и летят быстро – бог Могуту не успевает разноцветные шаровары менять. Семь недель никто ни с кем не воюет, даже кирибеи-кочевники начинают друг с другом здороваться. В Красную неделю играют свадьбы и добывают икру птицы Шарах, в Оранжевую – устраивают ярмарки и катаются на печах, в Желтую – гоняют гавриков, на Зеленой земледелец волен дать своему барону традиционного пинка, но бароны ведь в броне, в Голубую – проходят потешные бои и рыцарские турниры, в Синюю – принято угощать особо отличившихся детей березовой кашей и подмлаживать стариков, а когда наступает последняя, Фиолетовая, терпимость властей доходит до того, что разрешают давать представления бродячим фокусникам из тех, которые занимаются запретными науками и показывают разнообразные чудеса, не пользуясь при этом ни заклинаниями, ни магическими предметами, – откуда что и берется.

А потом наступает на много-много недель обычная черно-белая пора года, потому что зимы, весны и осени вовсе не бывает. Но и без этого всякий злак и овощ, дерево и травинка знают, когда цвести, а когда засохнуть, и птицы выют гнезда в подходящий срок, и скотина плодится в надлежащее время. Для того и летают повсюду крошечные пискливые ванессы в пестрых платьицах – они всякую тварь вовремя разбудят и спать уложат, и бутон раскроют, и жухлый лист проводят в последний путь. Ванесса побольше комара и поменьше воробья, но ни комара, ни воробья она в глаза не видела. Известно, впрочем, что в Мире тоже водятся ванессы, только другие, простые бабочки, бессловесные и безмозглые – так, червяк с крылышками.

Вообще, ванессы производят впечатление существ легкомысленных и вертихвосток: хорошенькие, смешливые, острые на язык. С ними можно посылать различные вести, но недалеко, потому что по дороге они все норовят переврать и перепутать. Если купец из Листорана, к примеру, захочет известить через ванесс своего компаньона в Аронаксе насчет партии бархата, то к тому может прийти послание, что движется орда кирибеев, и получится паника.

Когда по дороге среди полей едет конный рыцарь, ванессы садятся к нему прямо на шлем и сквозь щели забрала начинают расхваливать – какой красивый да какой мужественный, да были бы они, ванессы, росточком побольше... Впрочем, рыцари к этим славословиям привыкли и отвечают лишь учтивыми комплиментами, причем шепотом – от громкого звука ванесса может упасть в обморок и разбиться о придорожный камень. Но всякий знает, что, стоит убить ванессу, хоть и по нечаянности, сразу же выйдет из леса страшный зверь дихотом и перекусит обидчика ровно пополам, даже и в хваленной листоранской броне.

Ученые люди из университетского города Карбонара, что в Бородатии, с разрешения своего короля поймали однажды зверя дихотома в ловчую яму, усыпили и вскрыли в целях познания. Так вот, не было у этого зверя ни желудка, ни кишок – ничего даже такого. И пришли после кровопролитной драки ученые люди к выводу, что единственное предназначение страшного зверя дихотома – перекусывать ровно пополам всякого, кто убьет, хотя бы и по нечаянности, веселенькую ванессу. Потому что больше заступиться за ванесс некому. Их законные мужья, агриколы, такие же маленькие и даже летать не умеют – возятся неглубоко под землей, обихаживая корни растений.

Но и на дихотома, говорят, есть управа. В Мире, как известно, единороги покоряются лишь девственницам, а в Замирье дихотом подчинится только той женщине, что познала не менее пятисот мужчин. Но не будет же рыцарь с собою в поход такое сокровище тащить! На срам-то людям!

...Трое всадников, ехавших по столичному тракту, были хмуры, сосредоточенны и с ванессами болтать не расположены. Четвертого коня вели в поводу. Двое рыцарей были в полном вооружении: меч, клюшка и набор страшных медных бумерангов, могущих располовинить врага не хуже дихотома. Третьим ехал крепкий еще старец, с головой кутался в клетчатый плащ, торчала только борода, причем половина ее была выкрашена в зеленый цвет. Всякий листоранский мальчишка мог бы не глядя определить, что это генеральный канцлер Калидор направляется куда-то по секретному государственному делу.

Старец протянул вперед руку, поманил одну из ванесс и прошептал ей несколько слов. С горестным писком вся стайка снялась и полетела вперед, унося печальное известие.

Так что в усадьбе вольного земледельца Турала обо всем уже знали и ждали всадников во дворе – сам хозяин, хозяйка и трое сыновей. Не было сказано ни единого слова. Турал, здоровенный седеющий мужик, обнял своих и неуклюже вскарабкался на свободного коня. Конь аж крикнул. И сама усадьба, и постройки, и чада с домочадцами были под стать хозяину. Если бы Турала надумали увозить в неволю кирибей-кочевники, или странствующие работорговцы, или свои же разбойники, им бы туговато пришлось. Но сейчас трое сыновей глядели

на королевских гвардейцев с бессильной яростью, как на град, побивающий урожай. Если бы в Замирье, конечно, знали, что такое град.

Воины с Туралом посередине выехали за ворота, а канцлер склонился к хозяйке и сказал:

– Правильно делаешь, что не плачешь. Ты знала, что рано или поздно это случится. И без того судьба отмерила вам изрядный срок – сыновья выросли, в доме достаток. Все эти годы на ваше подворье не ступила нога ни вражеского солдата, ни сборщика налогов. Клянусь, ваш дом охранялся не хуже, чем королевский дворец в Макуххе. Но ничего не поделаешь, таков закон: чтобы в Листоран пришел из Мира новый король, его брат-близнец должен умереть.

Глава 2

У нас в республиках, краях и областях первые лица вешаются до смешного редко. Им это ни к чему, потому что у каждого есть личное оружие в виде пистолета Макарова или какой-нибудь заморской штучки. Но они же ведь и стреляются тоже не каждый день, разве что очень уж приспичит.

Так что не только партийная организация, но и несознательные жители города Краснодольска и Краснодольского края крепко удивились, что Виктор Панкратович Востромырдин добровольно и безосновательно ушел из жизни.

Удивились и в самой Москве, где на Востромырдина, конечно, кое-что было, но не до такой же степени!

Сено принято хвалить в стогу, а барина – в гробу. Виктора Панкратовича многие искренне жалели: не был он ни клиническим хамом, ни алкоголиком, ни развратником. От двух последних пороков его надежно оберегала супруга Анжела Титовна. Виктор Панкратович ее любил и во всем слушался, чтобы не потерять расположения тестя, директора секретного завода. Этот тесть ворота в Кремле пинком распахивал.

О синюшном цвете лица удавленников и странгуляционных бороздах сказано немало добрых и правильных слов в учебниках криминалистики. Так что здесь касаться этой темы ни к чему. Само собой, в тот же вечер из центра прилетела особая следственная бригада и наскоро убедилась, что в данном случае о злом умысле нет и речи. Правда, кое-какие вещи в квартире все же пропали – например партбилет. Следователи даже дошли до того, что предположили в Викторе Панкратовиче чувство глубокого разочарования, выразившееся в уничтожении сперва заветной книжечки, а потом и себя самого.

Потолки в квартире Востромырдиных были высокие, метра три с половиной – так-то что не вешаться! Первый секретарь привязал веревку за крюк, предварительно сняв с него полотно местного художника «Союз Вина и Воды», в аллегорической форме вскрывавшее злоупотребления на ликероводочном заводе и потому изъятое с выставки.

Обнаружила ужасный факт домработница. Анжела же Титовна в это время находилась на отдыхе в славном курортном городе Трихополе. Да он при ней и не осмелился бы руки на себя воздвигнуть.

Стали трясти милиционера, дежурившего в подъезде. Потому что был уже несколько лет назад случай, когда квартиру Востромырдиных нахально ограбили двое негодяев в милицейской форме с немалыми звездами на погонах. Тогдашний дежурный сержантик перепугался, что документов спросить не посмел, и вор-гастролер по кличке Арзамасский Ужас унес все золото и бриллианты Анжелы Титовны. Слез было много, но уже через неделю она утешилась, накупив новых вдвое прежнего.

Да, в тот раз слез-то было больше. А нового мужа все равно не выплачешь. «Как мужественно держится Анжела-то Титовна!» – восхищались гости на похоронах. Среди приехавших проститься с Виктором Панкратовичем были и несколько его однокашников по детскому дому, в том числе и один известный вор в законе, который с высокопоставленными лицами держался запросто, а некоторых даже похлопывал по плечу.

Детдомовцем был Виктор Панкратович. В далеком сорок втором прибыл в Краснодольск эшелон с ленинградскими детишками, и среди живых и мертвых скелетиков врачи с удивлением обнаружили на редкость упитанного бутуза, не значившегося ни в каких документах, словно его только-только, на последнем перегоне, подбросили. Живучий, везучий был Витя Востромырдин и всего в жизни добился сам. Если тестя не считать.

Анжела Титовна была красавица, за исключением некоторых параметров: одна нога у нее была тридцать третьего, а вторая – сорок первого размера, так что обуви ей требовалось

вдвое больше, чем самой капризной западной кинозвезде. А несчастный заведующий краснодольским спецскладом не знал, как оприходовать оставшиеся от жены начальства непарные итальянские сапоги, потому что в Краснодольске для этого катастрофически не хватало богатых одноногих женщин. А бедных навалом.

Наш народ еще тошнее любого ЦРУ: все знает. От него не существует никаких государственных, военных и партийных тайн. Если на каждом углу не обсуждают тактико-технических данных последней ракеты, то единственно потому, что скучно и мало кому интересно. Зато про наших руководителей знают такое, чего они сами про себя отродясь не ведали. А узнав, тут же проникаются чувством острой социальной справедливости. Но руководители тоже хороши: с детского сада приучают нас ненавидеть богатых и знатных, а потом сами же обижаются и отправляют в тюрьму.

На поминках второй секретарь Игорь Петрович Авнюков был грустен вовсе не из-за Виктора Панкратовича, а потому, что ему, Авнюкову, ничего не светило: кончина Востромырдина не открывала перед ним, как обыкновенно водится в таких кругах, никаких перспектив. Два года назад Авнюков крепко проштрафился, проявив личную нескромность: зарезал по причине беспричинной ревности свою любимую секретаршу Лидочку Сученок. Правда, следователям, до конца остававшимся преданными партии, все же удалось доказать, что Лидочка пала жертвой собственной халатности, нанеся себе во время очинки карандаша «Кохинор» тридцать восемь ножевых ранений. Но ходу наверх Игорю Петровичу решили все же не давать – сегодня Лидочка, а завтра, глядишь, и на высшие инстанции с ножиком полезет.

Главы трех соседних областей, товарищи Хренов, Членов и Лопато, также не слишком печалились. «И чего ради не пожилося дураку?» – думали все трое одновременно и одновременно же трусили, что Востромырдин повесился не просто так, а по секретному указанию свыше и что, возможно, нынче всем выйдет такая линия. Супруги же вышеназванных товарищей между собой положили, что во всем виновата Анжелка – известная оторви да брось. Конечно, чья бы корова мычала... но где-то они были правы. У Анжелы Титовны и Виктора Панкратовича было редкостное несовпадение характеров, и по этой причине мадам Востромырдину постоянно окружали симпатичные молодые люди. Самыми же симпатичными среди них являлись капитан спецвойск Степан Деряба и полковник госбезопасности Альберт Шмурло.

Степан Деряба не раз в жизни за ратные подвиги возвышался до подполковника, но всякий раз низвергался обратно в нижние чины по причине строптивости характера, а однажды даже был расстрелян. Выполняя долг воина-интернационалиста в далекой Анголе, он как-то вечером нечаянно, на спор, большим пальцем левой ноги убил кубинского контрразведчика. Он бы и четверых уложил, да больше не нашлось желающих поспорить. Всего из-за одного посланцы Острова Свободы подняли такой шум, что командование сочло за благо расстрелять Дерябу на глазах у всех, но стреляли спецпатронами, и Степану ничего не поделалось, только увозился весь в красной краске. «Боевая машина смерти», – ласково отзывались о Степане оставшиеся в живых друзья. Но по виду этого никто бы не сказал, потому что на вид и по фигуре Деряба был как подросток из Бухенвальда. Из-за внешности в нем неоднократно обманывались: мужчины – жестоко, вплоть до непредсказуемых последствий, а женщины – приятно, вплоть до последствий, вполне предсказуемых.

Карьера же Альберта Шмурло, напротив, шла стремительно, так как началась еще в восьмом «б» классе, где он обнаружил на последней парте тайную подпольную фашистскую организацию, состоявшую всего из двух одноклассников, потому что больше за парту не посадишь. Один из них притащил на уроки роскошное издание «Майн Кампф», доставшееся неосторожному отцу-победителю в качестве трофея в одном из кабинетов лейпцигского гестапо. Альберт Шмурло утверждал, что эти гитлерюгенды с особым цинизмом изучали труды бесноватого фюрера именно на уроке обществоведения, чтобы противопоставить человеконенавистниче-

ские тексты единственно верному учению. «Майн Кампф», правда, была напечатана готическим шрифтом, который не всякий немец прочтет, даже и штандартенфюрер. Тем не менее оба неофашиста получили по пятерочке, только не от учителя, а от народного судьи с такими же заседателями. В результате одного так там, на зоне, и схоронили, а другой в настоящее время преподает математику в Сорбонне. Хрен бы он эту Сорбонну увидел, если бы не бдительность Альберта.

Другим замечательным подвигом товарища Шмурло на страже безопасности державы была работа с письмами, которые приходили доморощенным правозащитникам из-за бугра. Именно лейтенант Альберт Шмурло придумал, перлюстрируя такие письма, сажать в конверты клопов и тараканов. Это должно было оказать на адресата самое угнетающее действие. Лубянского начальство восхитилось, вызвало наверх, повысило в чине и поцеловало, не снимая очков.

И работать бы Альберту в столице, когда бы не досадный случай. Шмурло был необыкновенно хорош собой, даже несмотря на приятную полноту. Из-за красоты его отправляли в общественные туалеты соблазнять иностранных дипломатов с целью дальнейшего шантажа, причем фотокамера была вмонтирована вы и не догадаетесь где. Несколько раз все обошлось хорошо, пока Шмурло не напоролся на одного, казалось, вполне перспективного военного атташе из негритянской страны. Но это оказался не военный атташе, а водитель троллейбуса «Б» Александр Матангович Кукушкин, жертва Фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года. Он был черный, как головешка, и одет во все иностранное: папа Матанга иногда подкидывал кое-что бывшей русской красавице и своему отпрыску. Кукушкин зверски избил Шмурло (несмотря на физподготовку), сдал в милицию и обозвал последними словами. Кукушкина кисло похвалили, а Шмурло пришлось перевести на периферию, потому что проклятый водила орал на всю Красную площадь и собрал большое скопление народа, в том числе настоящих иностранцев с кинокамерами.

Анжела Титовна любила Степана Дерябу за неутомимость, а полковника Шмурло – за изобретательность, но так и не смогла окончательно разобраться в своих чувствах, отчего и расточала свои ласки обоим служивым одновременно. При этом Деряба неудержимо краснел, а Шмурло становился еще циничнее, именую отсутствующего мужа Востриком и Мырдиком. Капитан был холост, полковник же раз и навсегда заявил своей жене после робкого замечания: «Если Родина прикажет – вот тут, при тебе же буду. Знала же, что выходишь за бойца невидимого фронта. Про супругу товарища Рихарда Зорге читала? То-то же!»

Со смертью мужа Анжела Титовна потеряла в глазах напарников всякую привлекательность. «На кой ты нам теперь, лахудра?» – думали оба, а холостому Дерябе было вдвойне худо. Ведь не отстанет теперь, связи покойного папы-директора подключит, и конец. Но и в джунглях Анголы, и в знойных ущельях Кандагара опасность только обостряла тактический гений капитана.

– Слышь, полкан, – обратился он после похорон к Альберту Шмурло. – А в гробу-то вовсе не Мырдик лежит!

– А кто? – резонно удивился полковник.

– Дед Пихто! – уверенно отвечал капитан. – Ты на лапы его глядел? У этого жмура такие лапы, словно он всю жизнь в колхозе «Сорок лет без урожая» механизатором пропахал!

Глава 3

Виктор Панкратович Востромырдин разлепил глаза и сказал:

– Така барата сентукай?

– Люди Макухха гортоп бан Листоран убока! – ответили ему.

«Как они смеют разговаривать со мной в таком тоне?! – закипел возмущенный разум Виктора Панкратовича, но быстро охолонул: – Да что же я сам такие безответственные слова произношу? Ведь этак и на пленуме ляпнешь „сентукай“ какой-нибудь – тогда пиши пропало...»

И тут мало-помалу до него дошел смысл как вопроса, так и ответа: – Куда я попал?

– Король Листорана в своей столице Макуххе!

Востромырдин приподнялся на локте и обозрел помещение. По сравнению с этим помещением Георгиевский зал в Кремле выглядел бы не лучше сельского клуба. Далеко вверх уходили стены из темно-зеленого гранита, пронизанного золотыми и серебряными прожилками. Вверху под куполом тихо мерцал опалесцирующий шар-светильник. Колонны из черного мрамора были испещрены загадочными знаками и рисунками, причем рисунки несли самое сомнительное содержание. Тут и там по стенам и колоннам вспыхивали драгоценные камни в особо крупных размерах.

Одна из стен была вся завешана разнообразным холодным оружием. Здесь были и мечи всех видов и размеров, и страшные кривые кинжалы, и разукрашенные щиты, и даже нечто вроде хоккейных клюшек с медными лезвиями вместо загребавшей части. В стене напротив помещался огромный аквариум с круглым стеклом, за которым в фиолетовой жидкости, искусно подсвеченной снизу, плавала большая рыба вроде шуки, но пестрая и почему-то с ножом в зубах. Точно такая же рыба, только намного побольше и каменная, стояла на хвосте в глубине зала, как бы охраняя от посторонних посягательств находящийся у ее подножия трон из черного дерева, весьма неудобный на вид.

Сам Виктор Панкратович возлежал среди соболей и чернобурок на высоком ложе. Его нагое тело было заботливо укрыто холодной и колючей парчой. Над изголовьем склонился ласковый-ласковый старец. Половина бороды у него была выкрашена в зеленый цвет, и Востромырдин почему-то вспомнил слух о том, что всеми панками Москвы руководит какая-то старуха девяноста с лишним лет.

– Твое Величество, народ Листорана рад приветствовать своего законного владыку! – произнес не по-русски старец, но Востромырдин опять, к своему ужасу, все понял.

– Да вы знаете, с кем имеете дело! – возмутился Виктор Панкратович, словно королевского звания ему было мало. – Да я вас тут всех... – Его язык и губы складывались сами собой совершенно невероятным образом, издавая звуки, абсолютно чуждые русскому слуху.

Старец продолжал улыбаться.

– Не изволь гневаться, король, – сказал он. – Ты растерян, это ясно, но все будет хорошо. Ты вернулся домой.

Виктор Панкратович решил резко поставить старца на место и хотел потребовать называть его, как положено, на «вы», но язык не повернулся, видно, не было такой вежливой формы обращения у здешних жителей. В гневе Востромырдин произнес исконную простонародную формулировку из трех частей, и, о чудо, они прозвучали без всякого искажения. Тотчас светильник под куполом померк, пламя факелов заметалось, а со стены с лязгом сорвалось несколько мечей и щитов. Старец в испуге замахал руками:

– Не употребляй этих слов всеу! Будь осторожен, о повелитель! Это Митирогнозия Магика – искусство, незнакомое даже нашим древним мудрецам. Пощади свой народ, пощади нашу землю, ведь это и твоя земля!

«И правда, – подумал Востромырдин. – Смотри-ка ты, матюгнешься не по делу, и весь комплекс обрушиться может. Да что же это за старец такой – тыкает, как будто из секретариата ЦК! А, понял! Меня тайно перебросили в слаборазвитую страну, которая решила пойти по некапиталистическому пути развития. Это, наверное, Бразилия».

Почему Бразилия, он и сам не знал, но крепко уважал футболиста Пеле.

– Это у вас что – Бразилия? – спросил он на всякий случай.

– Что ты, государь! Верзилия далеко, за Страстным Морем, тамошний народ ходит на одной ноге и добывает птичий жемчуг. Их и за людей-то не считают. Нет, господин мой, ты по праву владеешь благородной землей Листорана, которая искони не знала власти чужеземных владык, никому не платила ни даней, ни податей, а напротив, сама стяжала в боях и походах несметные сокровища. Пределы наши обширны: от Дикого Океана до самых Толкучих Гор, а на юге нас от степей отделяют Рыхлые Воды. И вот уже тридцать лет злонравные кирибеи-кочевники не смеют тревожить наши рубежи. Да и западных соседей, тот же Аронакс, мы утихомирили.

– Я так понимаю, Листоран – государство третьего мира? – решил разведать геополитическую обстановку Востромырдин.

– Разве есть еще Миры кроме того, откуда мы тебя вернули? Нет, есть Мир и есть Замирье, а из всех земель Замирья важнейшей является покорный твоему слову Листоран.

«Ох и дикий народ! – подумал Виктор Панкратович. – До чего их колониальная экспансия США довела! Но наши тоже хороши: не предупредив, безо всяких... Хотя, может быть, так и задумано. Международному отделу виднее».

– Немедленно свяжи меня с советским посольством, – потребовал Востромырдин.

– Советским? Ты хотел сказать «Савейским», господин? Так Савею уже давным-давно захватили баратины, и она стонет под их ярмом. Но что нам до Савеи? Между нами и догавора-то доброго не было, да и сама Савея – за день объедешь, у иного барона земли больше...

«Да, неплохо западная пропаганда тут поработала, – размышлял Востромырдин. – Надо же, мировую державу какие-то Буратины позорные захватили!»

– А России тоже, может, скажешь, нету? – ехидно поинтересовался он.

– Россия-то есть, господин, только я уже тебе говорил: Россия в Море, а Листоран в Замирье...

– Хватит морочить голову! – вскричал Востромырдин. – Кто ты такой?

– Генеральный канцлер Листорана Калидор, восьмой этого имени в роду Калидоров Экзантийских, к твоим услугам, повелитель! Наш род служит листоранским королям на протяжении уже трехсот лет! – приосанился старец.

«Генеральный!» – только и понял бедный Востромырдин.

– Товарищ генеральный, – пролепетал он. – Я не знал... Меня не информировали... Ввели в заблуждение... Я прошу прощения за необдуманные слова...

– Какой я тебе товарищ? – удивился старец, и Виктор Панкратович похолодел. – Я твой верный подданный, а никакой не товарищ. У королей не бывает товарищей.

И в доказательство своих слов опустил на колени, целуя руку первого секретаря Краснодольского крайкома. Но Востромырдин в страхе вырвал руку и стал хлопать себя по груди, ища партбилет. Грудь была совершенно голая.

– А, государь, ты хватился своего талисмана! – сообразил старец. – Он в целости и сохранности. Сейчас тебе принесут одежду, а талисман зашит в камзол из баратинского бархата. О, мы знаем обычаи Мира!

И действительно, по невидимому знаку пригожие и скуподетые девицы принесли целый ворох самых разнообразных незнакомых одеяний.

– Вставай, государь, они облекут тебя в королевский наряд! – подбадривал старец.

Виктор Панкратович сперва застеснялся наготы, но потом припомнил-таки одну закрытую баньку у тюменского коллеги (был, был грех! Кто без греха живет!) и осмелился. Девицы быстро и ловко натянули на могучие ляжки короля-коммуниста подштанники из нежнейшего розового полотна, надели такую же рубашу с открытым воротом, обещанный камзол отличного черного бархата (партбилет и вправду был зашит, как положено, слева), широкие шелковые шаровары, расшитые разноцветным бисером, намотали на ноги шелковые портянки и обули своего повелителя в высокие кожаные сапоги со шпорами. Сама Анжела Титовна удавилась бы из-за таких сапог, и не она одна. Потом девицы усадили Виктора Панкратовича на мягкий пуф и стали приводить в порядок его прическу. Внезапно одна из красавиц пронзительно взвизгнула, словно обожглась.

Прибежавший на визг канцлер поглядел на королевскую макушку и понял, в чем дело. Дело в том, что Виктор Панкратович начал лысеть резко и внезапно и поэтому, не привыкши к лысине, стеснялся ее. Приставленный к нему парикмахер посоветовал отращивать оставшиеся в живых волосы подлиннее и с их помощью скрывать лысину, закрепляя большой заколкой. Заколки Виктор Панкратович тоже стеснялся и, впервые выступая в таком виде по телевидению, строго предупредил руководство краевой студии, чтобы операторы эту заколку ни в котором разе во внимание своих объективов не брали. Но это же все равно что не думать про белого медведя. Проклятая заколка то и дело блестела в самых неподходящих местах доклада. Операторы же знали, что их не выгонят (других-то нет!), и хамски отговаривались: если, мол, кому не нравится, пусть выбирают нового секретаря, без заколки. Вот каким распущенным народом приходилось руководить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.